

Многоязычие в Европе эпохи Просвещения

[Рец.: Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018, 233 pp.]

Глеб Петрович Пилипенко

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Multilingualism in Enlightenment Europe

[Rev. of: Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018, 233 pp.]

Gleb P. Pilipenko

Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В рецензии рассматривается англоязычная коллективная монография «Выбор языка в Европе эпохи Просвещения: образование, общение и власть» о языковом выборе в европейских странах в XVIII в. (авторы из Италии, Нидерландов, России, Эстонии, Хорватии; издатели — Владислав Ржеуцкий и Виллем Фрейхофф). Издание является шестым по счету в серии «Языки и культуры в истории». Книга включает введение, восемь статей международного авторского коллектива, алфавитный указатель языков, имен и географических названий. В Европе период Просвещения ознаменован постепенным отказом от латинского языка в сфере образования и государственного управления и переходом на современные языки. Вместе с тем наблюдается специфика по отдельным странам, в частности, в Российской империи и в Хорватии. Привлечение архивного материала (частные письма, мемуары, анкеты чиновников, статистические данные) делает это издание особенно ценным. География рассматриваемых регионов весьма обширна: авторы анализируют языковую ситуацию во Франции, Нидерландах, Центральной Германии, Эстляндской губернии, Хорватии, Венгерском королевстве,

Цитирование: Пилипенко Г. П. Многоязычие в Европе эпохи Просвещения // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 543–553.

Citation: Pilipenko G. P. (2019) Multilingualism in Enlightenment Europe. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 543–553. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.21

Российской империи. Исследуется выбор языка на микро- (в рамках одной семьи) и на макроуровне (напр., в системе образования, в государственном управлении, в среде аристократии или духовенства). Рецензируемая книга будет интересна историкам, лингвистам, социологам, антропологам, специалистам по международным отношениям.

Ключевые слова

эпоха Просвещения, выбор языка, латинский язык, местные языки, Европа, образование, духовенство, аристократия, многоязычие

Abstract

The book under review is an English-language collective monograph called "Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance", written by authors from the Netherlands, Italy, Russia, Estonia, and Croatia (edited by Vladislav Rjéoutski and Willem Frijhoff). The subject of the monograph is the language choice in the European countries of the 18th century. This is the sixth book in the Languages and Cultures in History series, and it includes an introduction, eight articles by the international team of authors, and an alphabetical index of names and places mentioned. The Enlightenment was marked in Europe by the gradual abandonment of Latin in education and public administration and its replacement by vernaculars. At the same time, there are peculiarities in every country, particularly in the Russian Empire and Croatia. Archival materials (private letters, memoirs, official questionnaires, statistics) make this book extremely valuable. The authors analyse the linguistic situation in France, the Netherlands, Central Germany, the Estonian Governorate, Croatia, the Hungarian Kingdom, and the Russian Empire. Language choice is discussed at the micro-level (e.g. within one family) as well as at the macro-level (e.g., in education, public administration, among the nobility or clergy). The book will be of great interest to historians, linguists, sociologists, anthropologists, as well as to specialists in international relations.

Keywords

enlightenment, language choice, Latin language, vernaculars, Europe, education, clergy, nobility, multilingualism

В издательстве Амстердамского университета в 2018 г. вышла книга «Выбор языка в Европе эпохи Просвещения: образование, общение и власть» под редакцией Владислава Ржеуцкого и Виллема Фрейхоффа [Rjéoutski, Frijhoff 2018b]. Это сборник исторических, антропологических и лингвистических работ, объединенных общей проблематикой использования языков в европейских странах в период Просвещения. Данное издание публикуется в серии «Языки и культуры в истории», редакторами которой являются Виллем Фрейхофф и Карен Санчез-Сюммерер и в которой вышло уже семь работ, в том числе: «Мультилингвизм, национальное самосознание и культурная идентичность: Северная Европа в XVI–XIX вв.» [Frijhoff, Kok Escalle, Sanchez-Summerer 2017]; «Французский как язык интимности в современную эпоху» [Strien-Chardonneau, Kok Escalle 2017]; «Языковая и культурная внешняя политика европейских государств в XVIII–XX вв.» [Sanchez-Summerer, Frijhoff 2017]; «Франкофония на Востоке: на пересечении Франция–Азия (1840–1940)» [Kang 2018]; «Язык, литература и конструирование голландской национальной идентичности» [Honings, Rutten, Kalmthout

2018]. Работы, опубликованные в данной серии, обсуждают роль иностранных языков в лингвистическом и культурном наследии Европы, авторами используется междисциплинарный подход [Rjéoutski, Frijhoff 2018a: 2].

Рецензируемая книга является шестой по счету в данной серии и включает введение, восемь статей ученых из Италии, Нидерландов, Хорватии, России и Эстонии, в конце помещен алфавитный указатель имен и географических мест.

Открывает издание введение, написанное ответственными редакторами *Владиславом Ржеуцким* и *Виллемом Фрейхоффом*. Авторы пишут, что три века национализма в Европе привели к тому, что сейчас мы воспринимаем европейские нации более монолингвальными, чем они есть на самом деле [Rjéoutski, Frijhoff 2018a: 7]. Европа же интересна ситуациями многоязычия. Так, в XVIII в. французский становится языком многих европейских элит, латынь постепенно сдает свои позиции в области образования, а немецкий, итальянский, английский языки часто используются в качестве второго языка. В центре внимания авторов коллективного издания — проблема выбора языка и то, как конкретный язык позиционировал индивида в социально-культурном контексте того времени. В предисловии дан краткий обзор статей и выделены некоторые общие для всех авторов положения. Один и тот же язык не имел идентичных функций и общественного значения в разных европейских странах: ср., напр., положение латыни в Хорватии, России и Франции. Кроме того, процессы языкового развития в разных странах не были синхронными. Также для многих сообществ того времени был характерен поиск культурной легитимности, осуществляемой через выбор языка. Отмечается, что латынь заменяется в сфере образования на национальные языки, и тут же авторы говорят о позиции английского языка как универсального в данной области на современном этапе (тем самым, видимо, сравнивая его с позицией латыни в рассматриваемый период).

Первая статья *Андреа Бруски* (Университет Вероны, Италия) посвящена изучению национального языка французским дворянством в XVII и XVIII в. («Изучая национальные языки, обучаясь на национальных языках. Роль современных языков в дворянской академии Николя Ле Гра и в практиках обучения для знати (Франция 1640 — ок. 1750)») [Bruschi 2018]. Автор обращается к использованию французского языка для обучения в проекте школы в городе Ришелье (1640–1644), который составил Николя Ле Гра, французский священник и доктор. В начале исследования подробно описываются разные учебные заведения, существовавшие во Франции в то время: *collèges*, *petites écoles*, *maisons particulières*. Ранее считалось, что изучение современных языков предназначено для развлечения, а не для науки [Ibid.: 17]. Однако национальные языки со временем утверждаются в качестве языков преподавания, что находит отражение в проектах по образованию. Так, Франсуа де ла Ну (1531–1591) в своем проекте предложил, чтобы все главные книги по военному делу, истории, политике изучались во французском переводе. А Николя ле Гра в письмах к Ришелье писал, что дети учатся на мертвых языках впустую и что необходимо изучать современные языки, напр., итальянский и испанский нужно изучать в сравнении с французским. Он предлагал сократить срок обучения, но не стремился совсем исключить древние языки, а хотел оставить их как предмет изучения. Уже в этих планах заметен постепенный переход от образования на латыни во Франции к образованию на современных

языках. Будучи языками обучения, они становились также объектом изучения и инструментом передачи и усвоения культурных знаний.

Следующая статья «Использование иностранных языков в Нидерландах и образовании после 1750 года. Традиционные практики и инновации» написана *Виллемом Фрейхоффом* (Университет Эразмуса, Роттердам, Нидерланды) [Frijhoff 2018]. Автор исследует распределение французского и латинского языков в учебных заведениях Нидерландов, где уже в то время господствовало многоязычие (напр., французский язык широко использовался в торговле, а также иммигрантами из Франции). Иммигрантами и купцами создавались частные школы, в которых занятия велись на французском языке. Фрейхоффа интересует, как иностранные языки проникали в голландское общество. К XVIII в. французский язык стал уже элементом глобального ландшафта. Отмечено и двойственное положение этого языка в Нидерландах: с одной стороны, это язык врага и вражеской страны, с другой — язык культуры и науки, с доминантной позицией в этой области (автор упоминает Республику ученых). Со временем в голландском обществе приобретают вес другие иностранные языки, так, все больше студентов выбирают немецкие университеты для обучения, некоторые отдают предпочтение итальянским учебным заведениям. Тем не менее французский язык в XVIII в. все еще использовался в качестве языка переписки, дипломатии и торговли. Знание французского было более распространено, чем знание латыни: в XVIII в. латынь была рабочим языком для 3–5% мужчин, в XVIII в. это соотношение сократилось вдвое, доля французского составляла 10% для мужчин и 5% для женщин; среди женщин знание латыни было редкостью [Ibid.: 53–54]. Как и в предыдущей статье рецензируемой книги, автор анализирует образовательные проекты. Первый проект всеобщего образования в Голландии составил Ян Виллем Шомакер, который предложил создать военную школу для мальчиков, где классические языки были признаны ненужными. Принимали туда представителей любой религии. Проект Геррита Ватенбедера предполагал создание школы только для национальной элиты, эта школа должна была быть как гражданской, так и военной. Французский язык там должен был быть предметом изучения и языком коммуникации (напр., на уроках рисования). По плану Комитета образовательной реформы, составленному в 1809 г., видно, что классические языки остаются в учебных планах, но их преподавание ограничено и ведется с использованием голландского языка. Латынь и греческий были оставлены только для высших классов, больше внимания было уделено точным наукам и современным языкам.

Статья *Маделен ван Стриен-Шардонно* (Университет Лейдена, Нидерланды) «Применение и функции французского языка как второго в голландской аристократической семье. Семья ван Хогедорп (XVIII — начало XIX века)» продолжает исследование проблемы языкового выбора в Нидерландах, на этот раз на микроуровне — на примере одной аристократической семьи [Strien-Chardonneau 2018]. На основе архивных документов автор показывает роль французского и голландского языков в социальной жизни членов семьи ван Хогендорп, архив которой хранится в Гааге. Прослеживается использование этих языков на протяжении нескольких поколений семьи и делается вывод о том, что двуязычие первых поколений в данной семье сменилось впоследствии многоязычием.

Устанавливается, что при выборе языка значение имеет и гендерная специфика: автором были проанализированы письма, написанные женщинами. В начале статьи дана характеристика общей языковой ситуации в Нидерландах. Следует сказать, что в работе представлен действительно уникальный материал: переписка между членами семьи и их высказывания по поводу конкретных языков. Так, Каролина ван Харен пишет своему сыну Гейсберту Карелу, что нужно знать три языка — латынь, французский и голландский. Французский был языком переписки матери с сыном во время его обучения в военной школе в Берлине в 1773–1781 гг. Братья Виллем и Франц писали друг другу по-французски, но в их письмах встречаются вставки на голландском. Именно они представляют чрезвычайный интерес: можно назвать их разновидностью переключения кода в письменном варианте. Например, Антье ван Хогендорп в своем путевом журнале использует голландский язык, когда описывает работу ветряной мельницы [Ibid.: 73], поскольку французская терминология в данной сфере была незнакома писавшей и в конкретный момент она не могла узнать эти термины. Кроме того, для обозначения напитков и блюд голландской кухни также используются слова родного языка, поскольку они не имели французского эквивалента: напр., *kou-deschaal*, *koek op de ketel* [Ibid.]. Еще одной причиной перехода на голландский язык была возможность выразить на нем большую экспрессию. Так, Гейсберт Карел, когда упоминает свою младшую дочь, пишет по-голландски, поскольку он испытывает к ней особые нежные чувства [Ibid.: 74]. Автор приходит к выводу, что на выбор языка влияет гендерный аспект, политический контекст (напр., отношение к французскому языку из-за революционных событий конца XVIII в.) и вопросы идентичности. Постепенно в письмах появляются и другие языки — и в XIX в. комбинация французского, английского и немецкого станет вполне нормальной и более распространенной.

Ольга Хаванова (Институт славяноведения, Москва, Россия) назвала свою статью «Мультилингвизм versus знание немецкого языка среди административной элиты Венгерского королевства в XVIII в.» [Khavanova 2018]. Речь идет о языковой ситуации в Венгерском королевстве, когда венский двор предпринимает попытки заменить латынь в качестве официального языка на немецкий язык. На основе архивных материалов — описаний чиновниками собственной языковой компетенции — показана реакция государственных служащих на эти устремления правительства в 1770-х — 1780-х гг. Известно, что в общественной сфере (законодательство, образование) в многоязычном Венгерском королевстве доминировала латынь [Ibid.: 88]. Так, в университете в Надьсомбате (совр. Трнава в Словакии) преподавание велось на латыни. Полагали даже, что если перевести законы на немецкий или венгерский, то они утратят свою обязательную силу. Рассматривается и система образования в Венгерском королевстве. Хотя латынь была широко распространена среди чиновников, они владели еще несколькими языками, напр., Янош Тагани знал латинский, немецкий, венгерский и еще один славянский язык — подобные комбинации были вполне типичны для того времени [Ibid.: 89]. Мария Терезия предпринимает попытки введения немецкого языка вместо латыни уже с 1760-х гг. Среди чиновников королевства в 1773 г. проводился опрос, целью которого было выяснение их уровня владения немецким языком. Многие признавали, что не владеют им на необходимом уровне, так как

росли в такой среде, где этот язык невозможно было выучить (из 70 опрошенных 45 оценили свое знание немецкого как неудовлетворительное) [Ibid.: 94]. Хотелось бы отметить достоинство исследования, поскольку для анализа привлекается уникальный архивный материал — самооценка языковой компетенции. В документах, в которых приводятся достаточные объемные цитаты на латинском и немецком языках, виден не только языковой и культурный уровень выходцев из разных частей Венгрии, но и — что особенно ценно — личность каждого чиновника, его особый стиль, индивидуальность, а все вместе это позволяет составить весьма полное представление об употреблении языков в изучаемую эпоху. С целью улучшения ситуации с образованием на немецком языке было основано учебное заведение в городе Сенц (совр. Сенец в Словакии), а также разработан специальный университетский курс.

Далее в статье подробно рассматривается использование языков в области Спиш на востоке современной Словакии. Хотя там существовали значительные поселения колонистов еще со Средних веков, после восстания Ракоци немецкие чиновники были постепенно вытеснены со своих должностей венграми, которые не владели немецким. В статье также приводятся ценные данные опроса чиновников в 1788 г., нацеленного на выяснение их языковых практик. Из 223 опрошенных один человек знал только немецкий, 27 могли читать и писать по-немецки и по-латински, 39 заявили, что владеют венгерским, немецким и латынью, и более 30 — латинским, немецким, венгерским и одним из славянских языков [Khavanova 2018: 105]. Степень владения языком различалась: так, опрашиваемые часто отмечали, что могли говорить и понимать на каком-то языке, но не писать на нем, признавая таким образом свою ограниченную языковую компетенцию. Постепенно молодое поколение чиновников, получивших образование в новых учебных заведениях, поступает на службу со знанием немецкого. Автор приходит к выводу, что, сделав немецкий язык обязательным для чиновников, венский двор стремился таким образом привлечь на службу людей с более широким кругозором, имеющих лучшее образование и навыки.

Ивана Хорбец и Майя Матасович (Хорватский институт истории, Загреб, Хорватия) в статье «Голоса в разделенной стране. Лингвистический выбор в Хорватии раннего нового времени» анализируют языковую ситуацию в хорватских землях в XVIII и XIX вв. [Horbec, Matasović 2018]. Авторы исследуют, как использовались в Хорватии различные языки, прежде всего — латынь, немецкий, итальянский и французский. Изучается, как многоязычие отражало социальные и политические взгляды индивидов. Особое внимание уделено латыни, поскольку она сохранялась в качестве официального языка до 1847 г., что является уникальным случаем для Европы. Однако и в частной сфере латынь также доминировала, на этом языке велась переписка между хорватами. Данное исследование проводилось на архивном материале, изучались переписка, мемуары того периода. Причина сохранения латыни столь длительное время в качестве официального языка заключается в том, что она была для хорватов интегрирующим фактором. Юрист Йосип Кушевич обосновывал легитимность использования латыни у хорватов тем, что она была распространена на данной территории еще со времен римлян [Ibid.: 119]. Хорватский язык долгое время не был упорядочен, существовала литература на нескольких диалектах, язык также

назывался по-разному (славонский, иллирийский, хорватский). Многие поэты писали на латыни, использовали этот язык и в частной переписке. Хорватским банам письма направляли также на латинском. Однако постепенно в переписке он уступает место немецкому языку, в Далмации и Дубровнике в этой функции выступал итальянский язык (иногда в сочетании с французским в Дубровнике и на севере Хорватии). В некоторых городах этнический состав населения влиял на распространенность языка: в Осиеке и Петроварадине говорили по-немецки, в Риеке — по-итальянски. Интересно, что вставки на хорватском иногда использовали, чтобы скрыть какую-либо информацию [Ibid.: 124]. Очень часто определенные сферы были закреплены за конкретным языком: на хорватском обычно читались проповеди, граф Янко Драшкович писал о военных и частных делах по-немецки, а о политике — на латыни, Титуш Брезовачки писал по-хорватски для народа, а свои политические взгляды излагал по-латински [Ibid.: 134]. Причины устойчивости латинского в хорватском обществе авторы видят в том, что он был нейтральным языком и не имел национальной окраски [Ibid.: 135]. Добавим, что интересно было бы узнать о функционировании венгерского языка в хорватских землях, в статье, к сожалению, об этом нет информации.

Михаэль Рошер (Эстония) представил для рецензируемой книги статью «Введение обучения иностранным языкам в школах. Сравнение Священной Римской империи с Эстляндской губернией» [Rocher 2018]. Автор сравнивает школы в Центральной Германии и в Ревеле (Таллин), выявляет сходства и различия в подходах к изучению языков в двух регионах. В XVIII в. во всей Европе падает популярность латинского и греческого языков, изучение французского и других живых языков, наоборот, набирает популярность. В статье дается обзор только некоторых школ Тюрингии, Саксонии, Саксонии-Анхальт и Бранденбурга. Основной характеристикой их выпускников было то, что они после получения образования оставались работать в своем регионе [Ibid.: 148]. По школам приводится подробная статистика в виде диаграмм. Автора интересует, из каких слоев общества преобладали учащиеся. В результате реформы образования Эрнста II в Саксен-Готе и Альтенбурге количество занятий по латыни и греческому уменьшилось, а в XIX в. латынь стала преподаваться наряду с французским языком как иностранный язык, так как было признано, что она не понадобится ученикам в будущем, роль немецкого языка, наоборот, возросла [Ibid.: 155]. Что касается Таллина, то там попыткам создать систему образования, как в Германии, помешала Северная война. В отличие от Германии, которая расположена в центре Европы, Эстония находится на периферии. Идеи об изменении в системе образования зарождались в Германии и распространялись далее на восток, где большая часть знати была немецкоязычной. В статье делается вывод, что Эстонию не затронули изменения в области образования, которые были приняты в Германии, поскольку эти земли по результатам Северной войны оказались в составе Российской империи. Автор также с сожалением признает, что в статье не удалось показать значение русского языка в школах Эстляндской губернии. Здесь можно согласиться с Рошером, статья в этом случае тематически охватывала бы такой важный компонент местной языковой ситуации, как русский язык.

Владислав Ржеуцкий (Германский исторический институт в Москве) в статье «Латынь в образовании знати в России: история поражения» продолжает тему

использования латинского языка [Rjéoutski 2018]. Латынь не была частью культурной традиции в России, хотя она изучалась в учебных заведениях в допетровскую эпоху, число знающих этот язык было очень небольшим. Утверждается, что история изучения латыни среди дворянства показывает культурные и социальные стратегии данной группы. Автор исследует преподавание латыни в школах при Академии наук и в кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, а также в школах при Московском университете. Отмечается, что в учебных заведениях при Петербургской Академии наук латынь изучали через немецкий язык; это приводило к тому, что русские учащиеся отставали, а немецкоязычные учащиеся добивались больших успехов [Ibid.: 173]. В статье приводится статистика изучающих латынь, а также записи в журналах о достижениях учеников по этому предмету. Однако латынь не была в XVIII в. популярна среди дворянства в России: известно, что будущий император Александр I не учил ее, так как его учитель считал это занятие потерей времени [Ibid.: 178]. Ученики заучивали по-французски цитаты из латинских и греческих авторов. Знакомство с античной литературой происходило через французский язык по французским переводам. Именно этот язык становится главным культурным маркером идентичности российского дворянства. Но в XIX в. латынь возвращается в систему образования — с учреждением гимназий, после окончания которых можно было попасть в университет, что, в свою очередь, было условием для поступления на государственную службу [Ibid.: 184]. Автор полагает, что это была реакция российских властей на распространение идей французского образования, особенно в период революций 1830 и 1848 гг.

Статья *Екатерины Кисловой* (Московский государственный университет, Москва, Россия) «Латынь как язык православного духовенства в России в XVIII в.» завершает рецензируемый сборник [Kislova 2018]. Автор детально анализирует использование латыни в среде российского духовенства. Вопрос о лингвистических практиках этой социальной группы до сих пор оставался в стороне, хотя каждый из языков, которым владели представители церкви (церковнославянский, русский, украинский, польский, латинский, греческий, еврейский, французский, немецкий), был социокультурным маркером и свидетельствовал об уровне образовании. Кроме того, в миссионерской деятельности использовались такие языки как татарский, киргизский, чувашский, монгольский. В статье речь идет только о языках, которые духовенство использовало в образовании: русский, церковнославянский, греческий и латинский. Автора, в частности, интересует, каким было отношение духовенства к латыни, каков был статус русского и церковнославянского языков. Знаковым событием визуального разделения церковнославянского и русского языков стала реформа алфавита в 1710 г. Если через знание греческого языка устанавливалась связь с другими православными церквями, с этого языка выполнялись переводы, то отношение к латыни до Петра зависело от идеологических установок духовенства. Латынь вытеснила греческий в семинариях к концу 1730-х гг., многие курсы преподавались уже только на этом языке (напр., по поэтике и риторике). Знание латыни в петровскую эпоху было более значимым, чем знание греческого [Ibid.: 200]. На утверждение латыни в российских семинариях повлияли украинцы, выходцы из Киевской духовной академии, в которой преподавание латыни имеет долгую традицию. Петр I видел в них опору

в борьбе с «непросвещенным» русским духовенством [Ibid.: 202]. Латынь стала в XVIII в. «корпоративным» языком образованного духовенства и имела для него тот же статус, что и французский язык для дворянства (которому, как мы видели, латынь была практически незнакома) [Ibid.: 218]. Очень часто латынь использовалась духовенством и в переписке: так, письма риторической направленности написаны именно на этом языке, дружеские письма неофициального характера писали по-латински еще в первой половине XVIII в. (частные письма официального характера писали по-русски), тогда как во второй половине XVIII в. в них уже преобладает русский язык, но с многочисленными латинскими вставками [Ibid.: 214]. В российском обществе часто можно было найти критику пристрастия духовенства к латыни, поскольку дворяне этого языка не понимали. Автор приводит ценные архивные документы, иллюстрирующие использование латыни и русского языка в среде духовенства.

Все разделы рецензируемой книги так или иначе посвящены переходу от латыни к современным языкам в публичной и частной сферах в разных слоях общества: в среде знати, духовенства или чиновников (стоит однако отметить специфику применения латинского языка в среде Российского духовенства и в хорватских землях: в России латынь стала «корпоративным» языком духовенства, в Хорватии же вплоть до середины XIX в. она сохраняла статус официального языка). Можно сказать, что речь идет о диахронной социолингвистике, рассматриваемой авторами на микро- и макроуровнях. Очевиден и междисциплинарный подход, сочетающий анализ архивных документов (многие из которых впервые вводятся в научный оборот), изучение компонентов языковой ситуации, социологической структуры общества. Особый интерес представляют примеры языковых контактов в письменной коммуникации, когда приводятся факты переключения кода (статьи [Strien-Chardonneau 2018; Horbec, Matasović 2018; Kislova 2018]). Привлекают внимание также уникальные метаязыковые комментарии, приводимые в статье [Khavanova 2018], когда дается оценка языковой компетенции самими носителями. Ценность этих высказываний состоит в том, что мы можем увидеть и оценить проходящие изменения в языковой ситуации XVIII в. глазами обычных людей. Обширна и география рассматриваемых европейских ареалов. Думается, что для российской научной аудитории было бы целесообразно издать эту книгу в русском переводе, таким образом она будет более доступна научным центрам, библиотекам (тем более что в ней речь идет также о ситуации в Российской империи). Несомненно, рецензируемое издание будет интересно широкому кругу читателей, прежде всего, историкам, лингвистам, этнологам, антропологам, социологам, специалистам по международным отношениям.

Библиография

Bruschi 2018

- Bruschi A., Learning Vernaculars, Learning in Vernaculars. The Role of Modern Languages in Nicolas Le Gras's noble academy and in teaching practices for the nobility (France, 1640–c. 1750), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 15–38.

Frijhoff 2018

Frijhoff W., Dutch foreign language use and education after 1750. Routines and innovations, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 39–64.

Frijhoff, Kok Escalle, Sanchez-Summerer, 2017

Frijhoff W., Kok Escalle M.-Ch., Sanchez-Summerer K., eds., *Multilingualism, Nationhood, and Cultural Identity: Northern Europe, 16th–19th Centuries*, Amsterdam, 2017.

Honings, Rutten, Kalmthout, 2018

Honings R., Rutten G., Kalmthout T., van, eds., *Language, Literature and the Construction of a Dutch National Identity (1780–1830)*, Amsterdam, 2018.

Horbec, Matasović 2018

Horbec I., Matasović M., Voices in a country divided. Linguistic choices in early modern Croatia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 111–142.

Kang 2018

Kang M., *Francophonie en Orient: Aux croisements France–Asie (1840–1940)*, Amsterdam, 2018.

Khavanova 2018

Khavanova O., Multilingualism versus proficiency in the German language among the administrative elites of the Kingdom of Hungary in the eighteenth century, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 87–110.

Kislova 2018

Kislova E., Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 191–224.

Rjéoutski 2018

Rjéoutski V., Latin in the education of nobility in Russia: The history of a defeat, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 169–189.

Rjéoutski, Frijhoff 2018a

Rjéoutski V., Frijhoff W., Introduction, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 7–13.

Rjéoutski, Frijhoff 2018b

Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018.

Rocher 2018

Rocher M., Introducing the teaching of foreign languages in grammar schools. A comparison between the Holy Roman Empire and the Governorate of Estonia (Estonia), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 143–167.

Sanchez-Summerer, Frijhoff, 2017

Sanchez-Summerer K., Frijhoff W., eds., *Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States: 18th–20th centuries*, Amsterdam, 2017.

Strien-Chardonneau 2018

Strien-Chardonneau M., van, Practice and functions of French as a second language in a Dutch patrician family. The van Hogendorp family (eighteenth – early nineteenth centuries), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 65–85.

Strien-Chardonneau, Kok Escalle M.-Ch., 2017

Strien-Chardonneau M., van, Kok Escalle M.-Ch., eds., *French as Language of Intimacy in the Modern Age / Le français, langue de l'intime à l'époque moderne et contemporaine*, Amsterdam, 2017.

References

Bruschi A., Learning Vernaculars, Learning in Vernaculars. The Role of Modern Languages in Nicolas Le Gras's noble academy and in teaching practices for the nobility (France, 1640–c. 1750), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 15–38.

Frijhoff W., Dutch foreign language use and education after 1750. Routines and innovations, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 39–64.

Frijhoff W., Kok Escalle M.-Ch., Sanchez-Summerer K., eds., *Multilingualism, Nationhood, and Cultural Identity: Northern Europe 16th–19th centuries*, Amsterdam, 2017.

Honings R., Rutten G., Kalmthout T., van, eds., *Language, Literature and the Construction of a Dutch National Identity (1780–1830)*, Amsterdam University Press, 2018.

Horbec I., Matasović M., Voices in a country divided. Linguistic choices in early modern Croatia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 111–142.

Kang M., *Francophonie en Orient: Aux croisements France–Asie (1840–1940)*, Amsterdam, 2018.

Khavanova O., Multilingualism versus proficiency in the German language among the administrative elites of the Kingdom of Hungary in the eighteenth century, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 87–110.

Kislova E., Latin as the language of the orthodox clergy in eighteenth-century Russia, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability,*

and Governance, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 191–224.

Rjéoutski V., Latin in the education of nobility in Russia: The history of a defeat, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 169–189.

Rjéoutski V., Frijhoff W., Introduction, *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 7–13.

Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Amsterdam, 2018.

Rocher M., Introducing the teaching of foreign languages in grammar schools. A comparison between the Holy Roman Empire and the Governorate of Estonia (Estonia), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 143–167.

Sanchez-Summerer K., Frijhoff W., eds., *Linguistic and Cultural Foreign Policies of European States: 18th–20th centuries*, Amsterdam, 2017.

Strien-Chardonneau M., van, Practice and functions of French as a second language in a Dutch patrician family. The van Hogendorp family (eighteenth – early nineteenth centuries), *Language Choice in Enlightenment Europe: Education, Sociability, and Governance*, Rjéoutski V., Frijhoff W., eds., Amsterdam, 2018, 65–85.

Strien-Chardonneau M., van, Kok Escalle M.-Ch., eds., *French as Language of Intimacy in the Modern Age / Le français, langue de l'intime à l'époque moderne et contemporaine*, Amsterdam, 2017.

Глеб Петрович Пилипенко, кандидат филологических наук

Институт славяноведения РАН

старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Россия / Russia

glebpilipenko@mail.ru

Received February 1, 2019